

ОТ САМОГО ТЕМНОГО СЕРДЦА

БЕСТСЕЛЛЕР *AMAZON*

**ВИКТОРИЯ
СЕЛМАН**

**ОТ САМОГО
ТЕМНОГО
СЕРДЦА**

Москва
2023

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С29

Victoria Selman
TRULY. DARKLY. DEEPLY
Copyright © 2022 Victoria Selman

Школа перевода
В. Баканова

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
Daniel Bond, Holiday62 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Селман, Виктория.

С29 От самого темного сердца / Виктория Селман ; [перевод с английского Н.А. Остроглазовой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-171376-8

Когда Софи было восемь, в ее жизни появился обаятельнейший Мэтти Мелгрэн – новый мужчина ее матери Амелии-Роуз. Он заменил девочке отца. Софи с мамой наслаждались его любовью и добротой несколько лет, даже не подозревая, что Мэтти и терроризирующий Северный Лондон серийный убийца по прозвищу Тень – один и тот же человек. Не насторожило их даже то, что все жертвы маньяка были поразительно похожи на Амелию-Роуз...

Мэтти поймали и осудили на пожизненное, но у многих остались сомнения в его виновности. Он стал настоящей знаменитостью. А вот жизнь его несостоявшейся семьи оказалась полностью разрушена. Теперь, двадцать лет спустя, Софи получает письмо из тюрьмы Бэттлмаут, в котором сообщается, что Мэтти умирает от рака и хочет встретиться. Может быть, Софи наконец-то получит ответы на вопросы, так мучившие ее всю жизнь. Вот только освободит ли ее эта правда – или станет последним, смертельным ударом?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-171376-8

© Остроглазова Н.А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

*В память о глубоко любимой Мэгги
(2006–2020)
Тебя безумно не хватает*

Вдохновением для этой книги послужили реальные истории серийных убийц. Фанаты жанра криминальной документалистики без труда отметят психологические и поведенческие черты, известные им по делам ВТК, Зодиака, Убийцы с Грин-Ривер, Альберта Де Сальво, Ричарда Рамиреса и многих других. Однако персонажи этой книги, их поступки и мотивы выдуманы и родились исключительно в воображении автора.

Софи!

Так много нужно тебе рассказать, что я не знаю, с чего начать. Наверное, с коршуна. Это не самое начало, но почему бы и нет...

Завороженная, прижавшись носом к стеклу, ты следила за тем, как он кружит в воздухе, а по лужайке скользит его черная тень. Ты сказала, что он вертится на месте. Ты сама любила так танцевать.

В Массачусетсе водятся коршуны, но ты их раньше не видела. Или не помнила. Ты была совсем маленькой, когда тебя перевезли в Лондон. Конечно, ты не ожидала увидеть в столице коршуна. Голубя, воробья, порой малиновку, но никак не хищную птицу.

— Чем это он занят? — размышляла вслух мама. — Может, заблудился? Бедняжка...

— Он охотится, — ответила ты — и была права.

Среди опавшей листвы на батуте беззаботно скакал воробушек. Он был обречен. Коршун камнем упал на жертву, схватил и разодрал на том самом месте, где обычно прыгала ты.

Восторг сменился ужасом, стиснув, как хищник свою добычу.

Утолив жажду крови, коршун взмыл в небеса, оставив среди грязных листьев одни только недоеденные лапки. Птичье место преступления.

Я часто вспоминаю об этом случае как о дурном предзнаменовании. Думаю о наступающей тьме. О грядущем крушении надежд. О непостижимости всего, чему суждено произойти.

Ты заплакала, всхлипывая и давясь слезами.

— Все будет хорошо. Бояться нечего, — успокаивала тебя мама.

Она солгала, Софи. Тебе следовало бояться. И хорошо не стало.

Глава 1

Тебе кажется, ты знаешь, как все было. И мне кажется, я знаю. Но что нам на самом деле известно?

Хочется верить, что в глубине души меня всегда что-то настораживало, не давало покоя. Хотя, если честно, я ничего не подозревала. Конечно, сейчас оглядываюсь назад и гадаю, не было ли то или иное подзаказкой, знаком? Но даже если так, то прояснилось все намного позже, а тогда я ничегошеньки не знала. Ничегошеньки.

Так всегда бывает, когда оглядываешься в прошлое. Воспоминания искажаются, и создается впечатление, что повсюду были расставлены предупредительные флажки, хотя на деле их не было. Сам себе перестаешь верить. Прошлое превращается в череду вопросов «почему?» и бесконечных упреков.

Почему я не поняла, что происходит? Почему раньше не догадалась?

Ответ мне известен, хотя от него не легче, а только хуже.

Никто ничего не видел. Никто ничего не понимал. Не меня одну одурачили.

Сквозь щель почтового ящика проскальзывает и с глухим стуком падает на коврик письмо. Я тут, рядом: шнурую кроссовки, собралась с духом, чтобы выгулять

собаку, готовлюсь выскочить под дождь. Зря я столько выпила накануне... Мучаюсь похмельем. Как обычно, ничего нового.

Замираю, не разгибаясь, на пальцы намотаны шнурки, глазами прилипла к коричневому плоскому конверту. По имени отправителя понятно, что там.

Звенящая тишина. Слышу, как дышу, как гудит в ушах, как тяжело стучит сердце.

По верху конверта красными буквами выбито «Тюрьма Бэттлмаут»; так на ферме клеймят скот.

Желудок сводит. Сжимаю зубами язык, во рту вкус утреннего кофе смешивается с чем-то отвратительно кислым. Выступивший пот пахнет перегаром.

Он сбежал всего через полгода заключения. Ловкий фокус.

Вскрываю конверт и достаю письмо. *Мэттью Мелгрэну*. Подчеркнуто.

«Мэттью». Как официально, ведь все зовут его Мэтти — мы, пресса, телевизионщики из криминальных шоу. Такие передачи шли по всем каналам.

Мэтти любого заморозит своей кажущейся нормальностью и обаятельной улыбкой. Красивый, образованный. Убийца, нарушающий все клише. Он не был одиночкой, не был замкнут, имел хорошую работу.

Подруга у него тоже была, и здесь ничего подозрительного. Недавно на DVD вышел простенький фильм о его взаимоотношениях с моей мамой. Продюсерам прилетело за то, что на роль убийцы они позвали настоящего красавчика. Весь «Твиттер» шумел о том, каким подчеркнуто неотразимым показали Мэт-

ти и как невыносимо это было для родственников его жертв.

Только встревоженная общественность упустила главное: у него и сейчас нет отбоя от фанаток, которые заваливают его трусиками и порно, и по-настоящему оскорбительным для погибших женщин было бы показать Мэтти отталкивающим, перевернуть историю. В конце концов, будь он неказистым троллем, едва бы ему удалось привлечь своих жертв, втереться в доверие. Мне ли не знать.

Мэттью Мелгрону.

Глаза скользят дальше по тексту, дышать все тяжелее. Дойдя до конца, обращаюсь к маме. Голова раскалывается, во рту пересохло.

— Я рассталась с Томом. — Нужно говорить не об этом, но я должна собраться с мыслями.

— Софи, мне так жаль... Что случилось? Хороший вроде парень...

Фыркаю:

— Все они поначалу милые.

Слова повисают в воздухе, вызвав в нашей памяти одно и то же лицо.

— Он тебя обидел?

Я смеюсь, но без души.

— Сказал, что мне нужно чаще носить юбки.

— Софи, Софи...

Любому такой ответ показался бы глупостью, но я уверена, что мама меня понимает. Я с такой же уверенностью знала, что она горстями пьет таблетки, еще до того, как зависимость стала отражаться на речи.

— Ты мне не все сказала, верно?

Как всегда, мама видит меня насквозь. Какой смысл что-то скрывать, особенно сейчас?

— Мне пришло письмо. Из Бэттлмаута.

— Мэтти...

Даже сейчас, спустя столько лет после всего, что случилось... В ее шепоте — тоска, метание, неугасшая любовь... Я тут же вспоминаю о перочинном ножичке с перламутровой рукоятью, который храню в ящике комода. Боль помогает изгнать чувство вины, приносит облегчение. Боже, да я как собака Павлова!

Моей немецкой овчарке Бастеру тоже не чужды рефлексы. Каждый раз, когда раздается крик, неожиданный грохот или удар, он чувствует мое настроение и утыкается носом мне в ногу. Я треплю его за уши. «Хороший пес».

— Мэтти умирает, — говорю я маме без намека на радость или сожаление. — Рак поджелудочной.

— Сколько осталось?

Пожимаю плечами:

— Пара недель. Может, меньше. — Набираю побольше воздуха и медленно выдыхаю. — Пишет, что хочет поговорить. Увидеться.

— Сознаться?

В ее голосе слышится надежда, отчаянная потребность поставить точку. Мурашки по коже. Мне это необходимо не меньше, и все же...

— Возможно, но кто его знает... Он до последнего твердил, что не тот, кого все ищут.

— Ты поедешь?

— Не уверена.

Жажда получить ответы. Ужас перед правдой.

Опускаю взгляд. Руки трясутся, а с ними — крепко сжатое в кулаке письмо.

Глава 2

— Мне тоже пришло письмо, — говорит мама.

— От Мэтти?

— Нет. — В ее интонации проскальзывает разочарование, но она быстро берет себя в руки. — От тюремного капеллана по имени Билл.

— Старого?

— Что?

— Ничего. Извини. Не обращай внимания.

Старый Билл — из британского сленга¹. Ей, как американке, он до сих пор чужд. А я так и не научилась спокойно переносить дискомфорт.

Когда нервничаю, начинаю глупо шутить. Мой психолог Дженис называет это защитным механизмом. Очередная уловка, чтобы уйти от реальности. За долгие годы я выучила немало таких приемов.

На одном из стикеров, расклеенных мамой по дому, написано: «Хватит обороняться. Пусть все видят настоящую тебя».

Ага, конечно.

— И что же сообщил этот капеллан? Билл.

— Что избавление в прощении. Что мне станет лучше, если я смогу отпустить обиду. Что я сама себе причиняю боль.

— Господи Иисусе.

— Не богохульствуй.

Не сомневаюсь, что эти двое — мама и капеллан — нашли общий язык.

— Надеюсь, ты сказала ему, куда засунуть свою проповедь о прощении.

---

¹ Одно из прозвищ полицейских.